

Глава 2

Далеко убежать он не успел: холодная вспышка вспорола полумрак сбоку.

«Как?!» — оборвалось всё внутри у Сяо Чэна.

Удар шёл с фланга. Но ведь мгновение назад шаги отчётливо звучали за спиной! Как этот безликий ублюдок сумел обойти его за доли секунды?

Мысль не успела оформиться, уступив место стремительному росчерку стали.

Увернуться он не успевал. Ледяное, твёрдое, безжалостно острое лезвие с ходу вонзилось прямо в сердце.

Было ли больно?

Пожалуй, нет.

Только сознание начало медленно угасать, по капле утекая из слабеющего тела.

Последнее, что запомнил Сяо Чэн, — это надвинувшееся вплотную плоское, лишённое черт лицо. Пустое кожаное полотно без глаз и рта, которое словно изучало его. И насмехалось.

Когда Сяо Чэн пришёл в себя, ему было холодно, жёстко и почему-то... пушисто.

Кто-то настойчиво тёрся о его щеку.

С трудом разлепив веки, он наткнулся взглядом на расплывчатый полосатый ком, заслонивший весь обзор.

"Это ещё что за чучело?"

— Мяу...

Сяо Чэн сморгнул, и зрение наконец сфокусировалось. Перед ним сидел крупный полосатый кот — упитанный, кругломордый, с наглыми хозяйскими глазами, в которых читалось абсолютное превосходство уличного авторитета.

Заметив, что двуногий очнулся, пушистый тиран недовольно хлестнул себя хвостом по бокам, словно заявляя: «Эй, челядь, ты разлёгся на троне Его Величества».

Сяо Чэн растерянно огляделся. Под ним была груда старого, въедливо впивающегося в бока кирпича, а вокруг раскинулась «роскошная вилла под открытым небом» площадью в пару квадратных метров, зажата в глухом переулке.

"Я что, заснул прямо на улице?"

Небо едва окрасилось в серо-голубые утренние тона. Влажный воздух висел плотной, осязаемой известью.

Поднявшись на ноги, Сяо Чэн поморщился от ноющей боли во всём теле и повёл затёкшей шеей. Память возвращалась неохотно. Вчера его до полусмерти замучил клиент со своим колхозным вкусом, требующий бесконечных правок. Сяо Чэн решил выйти проветриться, по дороге ввязался в сомнительное спасение ближнего, из-за чего запоздал с возвращением, а потом...

Кошмарные воспоминания лавиной обрушились на него, перехватив дыхание.

Он судорожно ощупал грудь, руки, ноги. Всё цело, сердце бьётся ровно, ни боли, ни капли крови. Неужели от дикого недосыпа он просто отключился прямо на ходу, а всё остальное — лишь воспалённый бред уставшего мозга?

Сяо Чэн тупо уставился вглубь переулка.

Там полосатый толстяк уже созвал свою банду, чтобы разделить честно утащенную откуда-то рыбину. Кошачья свора выстроилась идеальным полукругом, повернувшись к Сяо Чэну пухлыми шерстяными задами.

"И как только умудрился так отъестся..."

Стоп.

Взгляд случайно зацепился за ворот футболки. На мягкой хлопковой ткани зияла ровная прореха — точно там, куда вчера вонзился кинжал.

Сяо Чэн похолодел. Он медленно поднял руку к голове и коснулся волос. Пальцы нащупали неровный срез — прядь была срезана чем-то невероятно острым.

"Значит... всё это случилось наяву?"

В голове роились дикие, пугающие догадки.

"Почему на меня напали? Как я выжил? И почему на теле нет ни единой царапины?"

В реальной жизни люди не воскресают просто так, оставив смертельную рану лишь на одежде.

Да и сам вчерашний нападающий не укладывался в рамки здравого смысла. Настоящее чудовище из дешёвого хоррора. Человек без рта и носа задохнулся бы через пару минут, а этот умудрялся двигаться быстрее ветра.

"Может, всё-таки сон?"

Но срезанные волосы и испорченная футболка упрямо твердили об обратном.

Увы, спросить было не у кого. Пушистая банда бродячих котов, сыто подёргивая хвостами, увлечённо доедала завтрак. Проблемы глупого двуногого их совершенно не заботили.

Когда последний хвост скрылся за мусорным баком, Сяо Чэн, погружённый в тяжёлые думы, медленно побрёл прочь из утреннего переулка.

До дома было рукой подать.

Несмотря на ранний час, на улицах уже закипала жизнь. Торговцы уличной едой всюю раскошегаривали свои точки.

Над огромными бамбуковыми пароварками поднимались густые клубы белого пара, разнося по округе умопомрачительный аромат свежего теста и мяса. Пробегавший мимо парень на ходу вгрызся в пышущую жаром булочку — пышная оболочка лопнула, брызнув ароматным бульоном. Этот запах, тёплый и сытный, мгновенно заполнил всё пространство, бесцеремонно пробравшись к проголодавшемуся Сяо Чэну.

Желудок отозвался требовательным урчанием. Не устояв перед соблазном, Сяо Чэн свернул к палатке.

Спустя десять минут, бережно неся пакет с горячими баоцзы и стаканчиками с густой разваристой кашей, он наконец открыл дверь своей квартиры.

— Я дома, — негромко позвал он с порога.

— Решил с утра пробежаться, заодно и завтрак захватил. Садитесь, пока не остыло.

В квартире стояла мёртвая тишина. Ни звука в ответ.

Сяо Чэн словно и не заметил этого безмолвия. Он прошёл на кухню, вымыл руки, аккуратно выложил четыре румяные булочки на красивую тарелку, разлил дымящуюся рисовую кашу по четырём пиалам и перенёс всё это на обеденный стол.

— Папа, мама, Фэйфэй, давайте завтракать, — Сяо Чэн опустился на свой стул, обращаясь к трём пустующим местам напротив.

— С футболкой всё в порядке, просто зацепился по дороге. Не переживайте. Поем и сразу переоденусь.

Быстро справившись со своей порцией, он придвинул к себе пиалу, стоявшую на месте отца.

— Пап, ты вечно пропадаешь на съёмках в поисках своего кадра. Тебе нужно больше отдыхать.

Следом пошла порция матери.

— Мама сегодня как всегда прекрасна. Спорим, на улице тебя снова примут за мою старшую сестру?

Напоследок осталась детская розовая тарелочка с порцией младшей сестры.

— Фэйфэй, ты сейчас растёшь, нужно хорошо кушать. И не вздумай выковыривать зелень.

Он сидел один в пустой комнате и увлечённо беседовал со своими призраками.

Когда-то здесь действительно жила счастливая семья из четырёх человек. Но два года назад нелепая автокатастрофа оборвала всё. Квартира осталась прежней, вот только за обеденным столом теперь сидел лишь один выживший.

Прикованный к больничной койке, Сяо Чэн тогда впервые осознал собственное бессилие.

"Я не мог предотвратить беду. Не мог вырвать близких из когтей смерти"

В тот день весёлый, открытый миру юноша внутри него умер навсегда.

Выписавшись из больницы, он взял академический отпуск в университете и заперся в четырёх

стенах, зарабатывая на жизнь фрилансом. Жизненные силы будто испарились. Сяо Чэн избегал людей, не заводил друзей и упрямо цеплялся за осколки прошлого, за свой опустевший ковчег.

Здесь всё оставалось нетронутым, точно так же, как в их последний общий день.

На журнальном столике пылился любимый отцовский журнал по фотографии, у окна грустило мамино пианино, а в углах комнат то и дело попадались плюшевые игрушки сестрёнки Фэйфэй. Казалось, стоит только позвать — и они откликнутся, выбегут навстречу.

— Уф... — Сяо Чэн тяжело вздохнул, откидываясь на спинку стула.

Одолеть четыре завтрака в одиночку оказалось непростой задачей. Очевидно, об обеде сегодня можно было забыть.

После еды он заварил в термосе чай с ягодами годжи. Подумав, бросил туда ещё пару сушёных зизифусов — для пущей пользы. Затем вернулся в комнату, сбросил грязную одежду и засел за работу над иллюстрацией, от которой у него уже второй день раскалывалась голова.

Когда последняя правка была внесена, а готовый файл отправлен заказчику, Сяо Чэн поднял глаза на окно. За стеклом уже сгустились сумерки — незаметно подкрался вечер.

Тело затекло от многочасовой неподвижности. Сяо Чэн с трудом поднялся, разминая плечи, и решил перед ужином принять горячий душ, чтобы смыть дневную усталость.

В ванной комнате он стянул через голову простую хлопковую футболку. Добровольное затворничество за эти два года не превратило его в рыхлого лежебоку — напротив, Сяо Чэн ещё сильнее похудел, его фигура казалась сухой, подтянутой, но излишне бледной, с явным налётом нездоровой хрупкости.

Прямо над сердцем белел длинный, уродливый шрам — сувенир из той роковой аварии. Острый обломок металла пробил грудную клетку, чудом не задев жизненно важные артерии. Сяо Чэну тогда фантастически повезло выжить. Его семья — нет.

Горячие струи приятно хлестали по плечам, стекая по ключицам и рельефу мышц. Ванную быстро заволок густой тёплый пар, пропитанный расслабляющим ароматом мятного геля для душа. Кожа порозовела, возвращая телу подобие живых красок.

Сяо Чэн уже потянулся к крану, чтобы перекрыть воду, как вдруг его взгляд замер на собственной правой руке.

На тыльной стороне ладони проступил странный рисунок: тонкая тёмная полоса, от которой в разные стороны расходились крошечные, едва заметные ответвления.

"Что это ещё за чертовщина?"

Он попытался потереть руку под струёй воды — рисунок не поддался.

Намылил мочалку, потёр сильнее — без толку. Непонятный узор сидел глубоко под кожей, словно свежая, на совесть сделанная татуировка, и смываться явно не собирался.

Вдруг из прихожей донёсся глухой, отчётливый стук, мгновенно заставивший Сяо Чэна выпрямиться.

Он замер, уставившись на закрытую дверь ванной.

За ней послышался шорох, похожий на осторожные, крадущиеся шаги.

Конечно, в своих фантазиях он часто представлял, как семья возвращается домой. Но Сяо Чэн не сошёл с ума. Он прекрасно понимал, что мёртвые не приходят назад.

В этой квартире он жил совершенно один. Посторонних здесь быть не могло.

Сяо Чэн выключил душ. Без шума воды тишина в ванной стала звенящей, почти осязаемой. Опасность казалась невидимой, но очень близкой. Словно за дверью кто-то стоял и ждал, пока он повернёт ручку.

"Вор?"

Для квартирных краж время было неподходящее.

От одной мысли о том, что кто-то чужой топчется в его гостиной, у Сяо Чэна похолодело внутри. Всё, что находилось в этих стенах — каждая мелочь, каждая чашка — принадлежало его погибшим близким. Это были его святыни, которые невозможно заменить или купить заново.

Да и ценных вещей хватало: профессиональная фотоаппаратура отца, где один только объектив стоил как подержанный автомобиль, мамины украшения, инструменты... Если грабитель хоть немного разбирается в вещах, он вынесет самое дорогое.

Наспех натянув домашние штаны и футболку, Сяо Чэн заглянул в тумбочку под раковиной, вытащил из отцовского ящика с инструментами тяжёлый разводной ключ и, крепко сжав его в

руке, приоткрыл дверь.

Квартира тонула во мраке.

Слабый жёлтый свет из ванной выхватил кусок коридора, но углы комнат оставались непроницаемо чёрными.

Ни звука. Будто кто-то затаился в темноте, выжидая подходящий момент.

Сяо Чэн резко щёлкнул выключателем. Заливший квартиру яркий свет разогнал тени. Мебель стояла на своих местах, вещи лежали нетронутыми. Ни грабителей, ни чужих следов на чистом ламинате.

— Рекс, ко мне! Рекс, фу, не беги так быстро! — донёсся с лестничной площадки приглушённый голос соседа, выведшего собаку на вечернюю прогулку.

Этот будничный шум с улицы подействовал отрезвляюще, вернув ощущение реальности.

Сяо Чэн ещё раз обошёл всю квартиру, проверил замки и окна. Никого.

Сяо Чэн тихо рассмеялся собственной глупости и положил разводной ключ на тумбочку.

"Нервы совсем ни к чёрту"

Пережитый ночной кошмар продолжал держать его в напряжении, заставляя вздрагивать от каждого шороха.

Тут в кармане завибрировал телефон.

Сяо Чэн поморщился, неохотно доставая аппарат — меньше всего ему хотелось сейчас общаться с очередным капризным клиентом, требующим сделать логотип «более сочным». Однако экран замигал целой серией сообщений. Слишком экспрессивно для деловой переписки.

Это был Ли Хэинь.

□Чэнчэн!□

□Я тут такую шикарную шашлычную нашёл!□

□Прямо у твоего дома!□

□Может□

□Выберемся посидеть?□

□Ну пошли-пошли-пошли-пошли-пошли!□

Ли Хэинь — классический представитель золотой молодёжи в энном поколении. Он числился в престижном вузе, балансируя на грани отчисления от сессии к сессии, но унывать не думал.

Они подружились ещё в старшей школе, хотя учились в разных местах. Сяо Чэн в те годы был отчаянным сорвиголовой. Однажды он в одиночку влез на заброшенную парковку и вытащил перепуганного Ли Хэиня из рук похитителей. С тех пор их водой было не разлить. Сяо Чэн частенько таскал изнеженного мажора, мечтавшего о простых человеческих радостях, по сомнительным уличным забегаловкам, привив тому нежную любовь к дешёвому фастфуду.

После трагической гибели семьи Сяо Чэна Ли Хэинь не оставил друга. Напротив, он стал писать ещё чаще, постоянно придумывая нелепые поводы вытащить его на улицу — видимо, всерьёз опасаясь, что тот от горя наложит на себя руки.

Сяо Чэн глянул на часы. Ровно восемь вечера.

Желудок тут же напомнил, что за весь день в него упали только утренние баоцзы. Почему бы и не сходить?

В шашлычной стоял невообразимый гул, щедро одобренный клубами ароматного дыма. Простенький интерьер не претендовал на изыски: стены, на которых красовались написанные от руки ценники, давно приобрели аппетитный оттенок копчёного окорока.

Но заведение ломилось от посетителей. За пластиковыми столиками соседствовали и колоритные местные работяги, и модно одетые студенты. Все увлечённо спорили о лучших позициях меню, начисто игнорируя спартанскую обстановку.

Ли Хэинь, щеголявший в брендовой футболке из лимитированной коллекции и новеньких кроссовках, со своей ухоженной стрижкой выглядел здесь как инопланетянин. Впрочем, неудобный пластиковый табурет ядовито-розового цвета ничуть не портил ему аппетит.

Они только что сделали заказ и ждали мясо. На фоне пивных кружек массивный чёрный термос Сяо Чэна смотрелся на редкость колоритно.

— Сяо Чэн, ты серьёзно? — Ли Хэинь скептически указал пальцем на термос. — Прийти на шашлыки с личным запасом годжи?

— Я ещё зизифус добавил, — невозмутимо отозвался Сяо Чэн.

—... — Ли Хэинь одарил друга взглядом, полным экзистенциальной тоски.

Пропускать приёмы пищи, но при этом строго блюсти питьевой режим китайских пенсионеров — истинный бунтарский зож.

Мангальщик работал быстро, и вскоре перед ними выросла гора исходящих соком шампуров.

Ли Хэинь тут же схватил шпажку с куриной кожей, зажаренной до золотистой корочки. С удовольствием захрустев, он зажмурился:

— Божественно! Вот это я понимаю — настоящая еда!

Сяо Чэн взял более скромный шампур с запечённой кукурузой и поинтересовался:

— И это говорит человек, который вчера ужинал в мишленовском ресторане?

Ли Хэинь сделал огромный глоток ледяной колы и оскорблённо запричитал:

— Да этот ваш Мишлен вообще есть невозможно! Зачем портить первоклассные продукты какими-то заумными техниками? Или эти их «креативные блюда»... Вкуса ноль, порции с напёрсток, а ты сиди с умным видом и нахваливай, чтобы не прослыть деревенщиной! То ли дело уличная еда — у неё есть душа!

— Меня за последние два дня трижды затащили на эти пафосные приёмы. Мой организм требует нормального человеческого жира и специй.

— Кстати, у меня сейчас явно какой-то период тотального невезения. Стоит попытаться улизнуть ночью за шашлыком, как меня тут же ловит старшая сестра. Сегодня просто чудом прорвался, — вздохнул Ли Хэинь, покачав головой.

Сяо Чэн негромко рассмеялся. Ли Хэинь с детства славился своей феноменальной невезучестью. Из-за этого он перед каждым выходом из дома сверялся с десятком астрологических приложений и свято верил во все козни ретроградного Меркурия.

— И ничего смешного! — Ли Хэинь отложил пустую шпажку. — Я, между прочим, и на тебя карту раскинул. У тебя сейчас тоже транзит не из лёгких: застой в делах, неопределённость в

работе и высокий риск получить травму.

— А позитивные прогнозы есть?

— Пишут, что на любовном фронте намечается прорыв. Мол, скоро встретишь свою судьбу. — Ли Хэинь озадаченно почесал затылок. — Только вот загвоздка: ты же из дома носа не кажешь. С кем ты там встретишься?

— С курьером службы доставки? — Сяо Чэн сделал глоток из термоса. — Или с сантехником.

Ли Хэинь вздохнул с видом заботливой матушки:

— Тебе правда нужно чаще выходить на улицу... Вдруг встретишь кого-то прямо на дороге? Вот, например, — он оживился и указал подбородком в сторону выхода, — посмотри туда. Очень даже ничего.

Сяо Чэн проследил за его взглядом.

Сквозь частокол голов посетителей у входа в заведение он заметил высокого молодого человека в чёрной куртке.

Парень был чертовски хорош собой: резкие, словно высеченные из мрамора черты лица, дерзкий взгляд из-под небрежно брошенной на лоб тёмной чёлки, а в правом ухе поблёскивала серебряная серьга-гвоздик. Он выглядел так, будто сбежал со съёмок рекламы дорогого парфюма.

От него веяло опасной, хищной силой. С такой внешностью идеально играть харизматичных злодеев в боевиках или красоваться на ориентировках полиции.

— Действительно, неплох... — протянул Сяо Чэн. — Только, по-моему, выглядит слишком угрожающе.

— Чего? — Ли Хэинь уставился на него с искренним недоумением. — Девчонка с классным высоким хвостом кажется тебе угрожающей? Да она же милашка! С какого боку она злая?

"Высокий хвост?"

Сяо Чэн моргнул и сместил фокус. Чуть поодаль от брюнета действительно стояла девушка лет семнадцати. Симпатичная, длинноногая, в коротком чёрном платье-худи. На плече у неё висел длинный чёрный кофр. Она весело о чём-то беседовала с посетителями уличных столиков.

Яркая, харизматичная девчонка, которой очень шёл её дерзкий неформальный стиль.

Она и правда была очаровательна.

Сяо Чэн промолчал.

"Как так вышло, что мой взгляд выцепил совершенно другого человека?"

Ли Хэинь, не заметив его замешательства, сокрушённо допил колу:

— Всё, Чэнчэн, твой затворнический образ жизни окончательно атрофировал в тебе мужские инстинкты...

Сяо Чэн предпочёл сохранить загадочное молчание. Интуиция подсказывала, что пускаться в объяснения сейчас точно не стоит.

Они вернулись к еде. Под горячее мясо и разговоры все посторонние мысли быстро улетучились.

— Опять! Это снова тот убийца в белом платье!

— Говорят, вчера ещё одну девчонку нашли... насмерть...

За соседним столиком кто-то громко ахнул, заставив Сяо Чэна мгновенно насторожиться.

<http://bllate.org/book/18261/1748758>